Ради безопасности машина ехала медленно. Цзи Вэйи решил, что эта тема закрыта, но, сам не зная почему, почувствовал себя неловко — словно его недавняя забота о Чжан Юане была лишь напускной бравадой.

Чжан Юань хранил молчание и всю дорогу тихо наблюдал за ним.

Причина сбитого дыхания, которую он озвучил, на самом деле не убедила Чжан Юаня. Еще с того момента, как они находились в студии Чэн Цю, он чувствовал, что с Цзи Вэйи что-то не так.

Из-за проблем со слухом ему приходилось крайне внимательно наблюдать за выражением лиц людей, чтобы понимать их речь. И хотя улавливать интонации было трудно, мимика и ритм дыхания человека могли многое рассказать о его эмоциях.

Дыхание Цзи Вэйи походило на дыхание больного — он слишком часто видел такой тип дыхания у Фэн Фаня и своей матери. Словно человек тратил все имеющиеся у него силы лишь на то, чтобы вдохнуть воздух.

Реакция Цзи Вэйи тоже напоминала поведение знакомых ему пациентов: собеседник явно не хотел признаваться в чем-то в его присутствии. Но Чжан Юань не желал позволять такой ситуации продолжаться — иногда болезнь способна разрушить человека без особого труда.

Цзи Вэйи выглядел даже более хрупким, чем его мать или Фэн Фань. Чжан Юань слегка потер кончики пальцев, словно на коже все еще оставалось ощущение биения пульса. Сквозь тонкую и холодную кожу едва уловимо ощущались удары сердца, готовые, казалось, исчезнуть в любую секунду.

Вот уже несколько дней Цзи Вэйи заботился о нем почти без всякой видимой причины. Хотя Чжан Юань еще не понимал, в чем истинная подоплека, он отчаянно хотел узнать о Цзи Вэйи как можно больше. Он не знал, до какой степени тот должен дойти, чтобы наконец открыто признаться в своем недомогании. Больше всего его огорчало то, что сам он никогда не умел правильно разговаривать с людьми.

Цзи Вэйи припарковал машину на подземной стоянке отеля:

— Приехали. Ты ведь знаешь, как подняться, верно?

Чжан Юань глубоко вздохнул:

— Есть кое-что… можно спросить тебя?

— Спрашивай.

Цзи Вэйи подсознательно подумал, что речь пойдет о сегодняшних кинопробах. Боясь, что на темной парковке Чжан Юань не разглядит его лица, он включил освещение в салоне. Лицо

Чжан Юаня вмиг озарилось, и в тусклом свете те самые черные глаза уставились прямо на него.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил Чжан Юань. — Это ведь не из-за дня рождения, ты не веришь в амулеты.

Ложь, сказанная на ходу, всегда легко разоблачается, особенно если сам начинаешь забывать, что именно наплел.

Цзи Вэйи долгие годы считал своих коллег по индустрии развлечений, которые так старательно создавали себе образы и так часто попадались на лжи, глупыми. Ладно, если не хочешь притворяться — не надо, но если уж решил играть роль, когда в команде столько людей, почему нельзя сделать это безупречно?

Сейчас он почувствовал, как горит лицо: имидж — вещь такая, если ты фальшивка, правда обязательно где-нибудь да вылезет. Одно дело, если бы он провалился в образе богатого наследника, трудоголика или интеллектуала, но умудриться проколоться на суевериях — это было уже слишком.

К счастью, ничего страшного не произошло. За эти несколько дней он понял, что Чжан Юань обладает стабильной психикой и, не считая невнятной речи и привычки по поводу и без лезть в чужое пространство, общаться с ним было довольно приятно.

— Не то чтобы я совсем не верил. В нашей среде к таким вещам относятся серьезно. Хотя мне самому все равно, Чэн Цю, например, придает этому большое значение.

Он знал, что это звучит неубедительно, но ведь искусная ложь всегда замешана на доле правды.

— Что касается меня, во-первых, я искренне считаю, что ты подходишь на эту роль. Чэн Цю изначально хотел найти человека со стороны, а встретить подходящего кандидата непросто. Я думаю, это судьба.

Чжан Юань продолжал смотреть на него с той же сосредоточенностью. По одному лишь выражению лица было невозможно понять, поверил он или нет. Цзи Вэйи понял, что тот ждет продолжения:

— Во-вторых, как я уже говорил, мы оба — дети дяди Фэна. Теперь, когда его нет, я просто отношусь к тебе как к младшему брату.

Он улыбнулся, стараясь, чтобы тон звучал максимально естественно, несмотря на внутреннее напряжение:

— В конце концов, я бы точно не хотел называть Фэн Чэнъе братом.

Вспомнив, как в тот вечер у Фэн Чэнъе обгорел клок волос, он искренне рассмеялся. Видимо, у Фэн Фаня с собственными потомками не заладилось, а вот подбирать людей он всегда умел.

Однако Чжан Юань не разделил его веселья. Он опустил глаза:

— Но… эти годы. Тебя не было рядом.

Улыбка Цзи Вэйи застыла. Чжан Юань поднял взгляд — выражение его лица оставалось мягким, в нем не было ни капли обвинения. Однако из-за отрывистой манеры речи его вопросы всегда звучали как твердые, неоспоримые утверждения:

— Ты тратил на меня много денег. Когда дядя Фэн болел, нужны были средства. Дядя Фэн не сказал тебе? Вы поссорились?

Он действительно просто сомневался. Хотя Чжан Юань не знал, сколько стоят съемки, отели и услуги сурдопедагога, он помнил ценники на одежде, которую ему покупали. Безусловно, богатство Цзи Вэйи выходило за рамки его представлений, а нищета, в которой жил Фэн Фань в последнее время, была ему хорошо знакома. Если Цзи Вэйи мог сделать для него так много, почему же к самому Фэн Фаню он казался таким равнодушным?

Он хотел во всем разобраться. У него не было намерения упрекать Цзи Вэйи за годы отсутствия, но раз эта доброта к нему была лишь проекцией чувств к Фэн Фаню, он хотел знать, что именно их связывало. Конечно, выразить столь сложную цепочку рассуждений словами было для него затруднительно, поэтому мысли сжались в две короткие фразы.

И когда он увидел, как губы Цзи Вэйи в свете лампы вмиг лишились крови, первой мыслью было, что он не сумел внятно донести свою мысль.

— Я не…

— Да, — дыхание Цзи Вэйи стало поверхностным и частым, но голос оставался мягким: — Мы поссорились. Мне казалось, я ему не очень-то нравлюсь.

— Поэтому… — кадык Цзи Вэйи дернулся, он с трудом сглотнул: — …я не видел его много лет.

— Нет. — На лице Чжан Юаня отразилось редкое беспокойство. — Нет.

От нетерпения его слова стали совсем невнятными и прерывистыми:

— Дядя Фэн… не ненавидел тебя. Дядя Фэн говорил, что ты его ребенок. У него в тумбочке… твоя фотография. Дядя Фэн показывал мне.

Он был уверен, что здесь кроется какое-то недоразумение, и принял печаль Цзи Вэйи за боль от холодного приема со стороны Фэн Фаня, поэтому изо всех сил пытался объяснить то, что видел сам.

Но Цзи Вэйи не пришел в восторг, как того ожидал Чжан Юань. Он выглядел еще бледнее, чем мгновение назад:

— Что ты сказал?

— Фотография. Твоя фотография на красной дорожке. Очень красивая. Дядя Фэн хранил ее в тумбочке.

Цзи Вэйи вонзил ногти в ладони, чтобы подавить неконтролируемую дрожь. Спустя столько лет услышать из уст Чжан Юаня о том, что Фэн Фань думал о нем, было даже более разрушительным, чем получить известие о его смерти.

Все это не имеет отношения к Чжан Юаню, он ничего не знает — твердил про себя Цзи Вэйи. Но он все равно не мог не выместить свою ярость. После отъезда из Хуачэна Чжан Юань стал его единственной связью с Фэн Фанем.

Он сам все это устроил, но, как оказалось, он все еще не мог легко перенести столь неожиданные новости. Точнее, это была не злость, а бегство. Бегство от Фэн Фаня через бегство от Чжан Юаня.

Цзи Вэйи глубоко вздохнул:

— Я не хочу говорить о нем. Выходи из машины.

— Я…

Он отвел взгляд, чтобы не видеть растерянное лицо Чжан Юаня, и изо всех сил сдерживался, чтобы не закричать:

— Выходи.

Чжан Юань замер. Не понимая причин такой перемены настроения, он послушно кивнул:

— Хорошо, не злись.

Он медленно надел рюкзак, продолжая смотреть на Цзи Вэйи, на его сбивчивое дыхание и пустой взгляд:

— Я выхожу. Ты… можешь, пожалуйста, не садиться за руль сам?

Цзи Вэйи не ожидал таких слов. Он на секунду выпал из хаоса мыслей и осознал, что все еще находится на парковке, далеко от дома. Он посмотрел на Чжан Юаня; разум подсказывал, что нужно хоть как-то объяснить эту внезапную вспышку эмоций, но он чувствовал себя таким уставшим.

— Хорошо, — сказал он. — Я позвоню, чтобы за мной приехали. Не беспокойся.

Чжан Юань пробормотал:

— Подожду, пока приедут, и тогда пойду.

Цзи Вэйи больше не мог притворяться:

— Уходи сейчас же!

Чжан Юань хотел что-то сказать, но смолчал. Он толкнул дверцу, вытащил что-то из кармана и положил на селектор коробки передач между ними:

— Прощай.

Дверь закрылась с едва слышным щелчком. Цзи Вэйи проводил взглядом фигуру Чжан Юаня, исчезавшую в полумраке, и поднял то, что тот оставил.

На ощупь вещь оказалась липкой от дешевой пластиковой упаковки — один из тех храмовых амулетов, что Чэн Цю закупал оптом в Иу. Надпись на нем была мелкой. Он тогда даже не посмотрел, что именно выбрал Чжан Юань, просто зная, что тот схватил что-то из той кучи безделушек, как и просил Чэн Цю.

Только сейчас он разглядел слово Здоровье.

Цзи Вэйи сжал амулет в кулаке и медленно опустил голову на руль. Щека коснулась гудка, раздался резкий звук, эхом отразившись в низком пространстве парковки. Свободной рукой он прижал ладонь к груди, чувствуя, как часто и неровно колотится сердце.

Здоровье. Если бы он обладал здоровьем, то, вероятно, никогда не встретил бы Фэн Фаня. Потерял бы удивительный детский опыт, но и избавился бы от многих бед в будущем. Если бы он был здоров, многие решения в его жизни были бы совсем иными.

Но еще до своего рождения он был обречен никогда не стать здоровым. И в этом отношении у Чжан Юаня была очень похожая судьба. Поэтому он меньше всего должен был выплескивать свои эмоции на него.

Цзи Вэйи просидел в машине так долго, что помощник Сюй Цун пришел постучать в стекло. Цзи Вэйи молча вышел, уступил ему место водителя и, не говоря ни слова, забился на заднее сиденье.

http://bllate.org/book/37726/4716303